

О СОСТАВЕ УЧАСТНИКОВ АНТИКРЕПОСТНИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ НА КЫШТЫМСКИХ ЗАВОДАХ В 20 гг. XIX ВЕКА

В. Я. КРИВОНОГОВ

За последние годы советские исследователи проделали значительную работу по изучению массовых волнений мастеровых и рабочих людей на Урале в первой половине XIX века.

Однако, все эти вопросы получили пока еще недостаточно полное освещение. До сих пор не выяснены те социально-экономические условия, которые привели к усилению гнета и эксплуатации мастеровых и рабочих людей.

Некоторые авторы говорят о дальнейшем усилении «крепостнического гнета»¹ и «крепостнической эксплуатации»². Не изучен также вопрос о развитии капиталистических отношений в горнозаводской и внегорнозаводской промышленности Урала и о росте капиталистической эксплуатации, осложнявшей феодальные отношения и делавшей крепостническую эксплуатацию более тягостной.

Мало изучен вопрос о движущих силах классовой борьбы первой половины XIX века. В литературе представлено столкновение только двух основных классов феодального общества: горнозаводчиков и крепостных крестьян и мастеровых людей. Более того, выступления феодальнозависимых людей рассматриваются, как чисто рабочее движение в первой половине XIX века³.

Очевидно, исследователи этого вопроса не изучают факты социальной дифференциации среди мастеровых, непремиренных работников и заводских крестьян — формирования буржуазии и продавцов рабочей силы из их среды, — фактов подспудного проникновения наемного труда в горную промышленность Урала. Этим и объясняется односторонний взгляд на причины, характер и движущие силы антикрепостнического движения как на Кыштымских заводах, так и на Урале в целом.

1) Ушаков М. И. «Кыштымское восстание 1822—1823 годов». «Ученые записки Свердловского государственного педагогического института», исторический выпуск 1, 1938, стр. 199—200.

2) Горловский М. А. и Пятницкий А. Н. «Из истории рабочего движения на Урале», Свердловск, 1954, стр. 64.

3) Горловский М. А. и Пятницкий А. Н. Указ, соч.

Не менее важное значение при изучении истории антикрепостнической борьбы имеет и вопрос о ее руководителях. Односторонний подход к оценке движущих сил привел к поверхностной характеристике личности руководителей антикрепостнических выступлений.

Руководитель Кыштымского восстания 1822—1823 гг. торговец К. Ф. Косолапов называется «отличным кузнецом»¹ и передовым мастером².

Утвердившаяся точка зрения об антикрепостническом движении, как о рабочем движении и о его руководителях, как о передовых рабочих, привела к своеобразному объяснению противоречащих ей фактов.

«За несколько лет до волнений, — пишет Д. Л. Касицкая, — Косолаповы обзавелись собственной торговлей и Клим «исполнял за себя работу наймом». Отметив это важное обстоятельство, Д. Л. Касицкая придерживается той же оценки К. Ф. Косолапова, как передового рабочего. Она считает, что после того, как в 1820 году обокрали его лавку, он вернулся в цех.

«Недолгое пребывание в среде торговцев, — пишет Д. Л. Касицкая, — не разорвало его кровных связей с мастерами, что и определило его дальнейшее отношение к движению»³.

Все это объясняется неизученностью архивных источников, односторонней, тенденциозной подборкой фактов, уходом от анализа глубинных процессов социально-экономического развития.

Автор настоящей статьи намеренно обходит вопрос о главных движущих силах антикрепостнического движения — об основной массе угнетенных крепостничеством мастеровых и заводских крестьян. Он считает, что этот вопрос достаточно полно освещен в исторической литературе⁴, и поэтому ограничивает свою задачу рассмотрением фактов, касающихся развития капиталистических отношений среди горнозаводского населения и участия мелкобуржуазных элементов в антикрепостнической борьбе. Автор не претендует на решение всей сложной проблемы о характере и многослойности антикрепостнического движения на Урале в 20 гг., а выдвигает ее в порядке товарищеского обсуждения. В этих же целях он предлагает вниманию исследователей прошение руководителя Кыштымского восстания 1822—1823 гг. К. Ф. Косолапова на имя царя об ограблении принадлежащей ему торговой лавки.

1) Горловский М. А. и Пятницкий А. Н. Указ, соч. стр. 132.

2) Панкратова А. М. Вступительная статья к сб. «Рабочее движение в России в XIX веке», Москва 1955 г., т. 1, ч. 1, стр. 63.

3) Касицкая Д. Л. «Положение горнорабочих на расторгувских заводах в первой четверти XIX века». Автореферат кандидатской диссертации М. 1956 г. стр. 12.

4) Панкратова А. М. Вступительная статья к 1 тому сб. документов «Рабочее движение в России в XIX веке» М. 1951.; Горловский М. А. и Пятницкий А. Н.: Указ, соч. и др.

Факты показывают, что возростающая активность масс в антикрепостнической борьбе на Урале в первой четверти XIX века объясняется не только усилением крепостнической эксплуатации, но и процессам капиталистического развития среди горнозаводского населения, формированием из его среды мелкой буржуазии и разорением основной массы мастеровых, заводских крестьян и непременных работников.

Дело в том, что система внеэкономического принуждения в горнозаводской промышленности Урала базировалась на феодальной форме собственности не только на землю, но и на ископаемые и лесные богатства. В качестве натуральной заработной платы выступали не только земельный надел для вспомогательной рабочей силы, покос и огород для мастеровых людей, но и лесные материалы и ископаемое сырье.

Тихон Успенский писал: «Мастеровые государственных и частных заводов существуют на положенное жалование, при даровых щедрых харчах; а по праздникам и в дни свободные от работы занимаются различными ремеслами и базарным промыслом. Таким путем очень многие из них наживают значительное богатство. Затем крестьяне государственные и помещичьи любят не больше земледелие, чем поиски металлов и драгоценных камней, а также рыбную ловлю и охоту на диких зверей и птиц; кроме того строят мельницы и кожевенные заводы, перевозят товары и, таким образом совершенно избегают бедности»¹.

Если отбросить идеализацию условий жизни мастеровых (о щедрых харчах) и взять реальные факты, сообщаемые современником, то станет ясным, что занятие ремеслом и промыслами давало дополнительный источник средств существования. Вместе с тем, эти занятия явились исходным пунктом социальной дифференциации среди горнозаводского населения. Многие мастеровые, занимающиеся ремеслом и торговлей «наживают значительное богатство». Крестьяне-промышленники и торговцы «совершенно избегают бедности». Успенский не указывает на бедные и средние слои населения, но о них красноречиво говорят архивные данные и исследования советских историков.

Еще в XVIII веке среди заводского населения Кыштымских и Каслинских заводов появились владельцы кузниц, рыбопромышленники, производители дегтя на продажу. Некоторые из них вели торговое земледелие и животноводство. Зажиточные крестьяне этих заводов, как писала Каслинская контора в 1824 году — «... имеют обильное скотоводство, не только редкие покупают, но многие продают

¹) Tichonoff Uspensky. «Medico-topographica districtus Ekaterinburgensis et urbis eius Descriptio...» Mosquae, 1835, § 43; Макаров П. П. библиографический реферат (рукопись), 1947 г, стр. 81,

своих лошадей и другой скот, имея к тому все отличные выгоды, а многие отъезжие хуторы, или займки, из коих есть такие, у которых более ста пятидесяти лошадей и большого количества другого скота, а вообще многие имеют, хотя менее, но значительное число сенокосы, пашни, обилие во птице»¹.

Разбогатевшая часть крестьян концентрировала уже в своих руках пашенные земли. Например, Блиновские и Наседкины, занимаясь промыслами и торговлей, вели и обширное земледелие. В период следствия по делу Кыштымского восстания, крестьяне показывали о них, что они «...с товарищи имеют пашенные обзаведенные места, под которые отобрали у крестьян последнее для продовольствия своего малого количества скота, покосные места под свои распашки для скотоводства»².

Крестьяне выполняли, главным образом, крупные кабанные работы, занимаясь одновременно и сельским хозяйством. Заводчики набирали из их же числа рекрут для пополнения основных рабочих кадров. Зажиточная часть крестьян откупалась от рекрутчины, а кабанные работы выполняла через вольнонаемных людей. Многие крестьяне, чтобы не попасть на завод в качестве мастерового, вносили по 500 рублей деньгами. В 1809 году на Кыштымских заводах откупилось 29 крестьян³.

К 20 гг. XIX века количество откупившихся значительно возросло.

Контора Кыштымских заводов заявляла, что откупившиеся крестьяне «могли... приобретать не только означенные 500 рублей вольносторонними работами, рыболовством, хлебопашеством и другими промыслами, но гораздо превосходнее»⁴.

В 1822 году в Каслинском заводе имелось 24 семьи, а в Кыштымском — 32 семьи, занимавшиеся кузнечным кустарным промыслом. Некоторые из владельцев кузниц имели наемных работников, но большинство эксплуатировало членов своих семей. Они были, как правило, многосемейные. Обратим внимание на состав семей кузнецов-ремесленников по возрасту и полу,

1) ГАСО, ф. 12, оп. 1, д. 697, л. 745.

2) ГАСО, ф. 24, оп. 25, д. 888, л. 46—47.

3) Челябинский областной Государственный Архив (ЧОГА) ф. 172, оп. 1, д. 81, л. л. 100—109.

4) ГАЧО, ф. 172, оп. 1, д. 71, л. 110.

Состав семей кузнецов по возрасту и полу¹

Заводы	1 - 10		10 - 15		15 - 30		30 - 50		50 - 60		с 60 л.		Итого	
	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
Кыштымский (32 семьи)	20	32	4	4	33	31	9	12	8	11	6	5	80	95
Каслинский (24 семьи)	21	23	7	6	31	37	11	7	4	12	2	1	76	86
	41	55	11	10	64	68	20	19	12	23	8	6	156	181

Таким образом, только в двух заводах округа мы имеем 56 семей, которые имели свои кузницы и производили продукцию на продажу или оковывали сани и телеги для крестьян, подковывали лошадей. В этих семьях имелось вполне трудоспособных мужчин 96 человек и почти такое же количество женщин-дочерей, снох и жен.

Из таблицы видно, что на каждую семью ремесленников в среднем приходилось более чем по 6 человек. В Каслинском заводе приходилось по 3 вполне трудоспособных мужчины и 3,5 женщины на каждое заведение. Такое же положение было и в Кыштымском заводе. От каждой семьи на заводе работало по одному человеку, следовательно, остальные люди занимались в своем хозяйстве.

Отдельные кустари имели весьма работоспособные семьи. Например, Г. И. Князев— 24 лет, его брат—26 лет, их жены в возрасте 23 лет. Ф. Я. Лобатов—69 лет, его сыну 26 лет, снохе 26 лет, дочерям 21, 24, 27 лет. Все они жили в одном хозяйстве. Е. Е. Козлов— 54 лет имел четырех сыновей в возрасте 13, 21, 23, 27 лет, двух снох 24 и 26 лет, трех дочерей 8, 13 и 17 лет. Вся семья, за исключением самого Е. Е. Козлова на заводе не работала, а занималась своим хозяйством².

Кузнецы, как правило работали на заказ и на сбыт. Некоторые из них становились зажиточными людьми.

Одни из зажиточных крестьян и мастеровых занимались промыслами, торговлей, подрядами. Другие заводили свои хутора и заимки, усиливали свое земледелие и животноводство.

Те и другие отвлекали по вольному найму значительную часть разорившегося горнозаводского населения, вынужденного заниматься «вольносторонними работами».

В период следствия по делу Кыштымского восстания 1822—1823 гг. рабочие говорили, что разбогатевшие люди «... имеют свое прибыточное положение и выгоды, задолжая нас каслинских крестьян».

¹) ГАЧО, ф. 172, оп. 1, д. 81, л. 100—115.

²) ГАЧО, ф. 172, оп. 1, д. 81, л. 103.

ян, на имеющихся у них в зимнее время в разных озерах пять неводо-
дов и более для рыбной ловли, а в летнее удобное для снятия стоя-
щего и лежалого березового леса, бересты на скидку дегтя, из нас же
крестьян на конх промыслах находится не малое количество по вы-
даваемой малой плате»¹.

Богатая часть крестьян, промышленников и торговцев не желала
личным трудом выполнять заводские повинности, сдавала их подряд-
чикам или лично нанимала за себя рабочих людей.

Кабанички в течение рабочего года должны были поставить уг-
ля на полного работника 80 коробов, на неполного 75 коробов.

«Многие из них, — Доносила Каслинская заводская контора, — от-
правляя сию повинность наймом вольных, другие с пособием их
(т. е. вольных — В. К.) занимаясь сами обращаются к вольной про-
мышленности»².

Некоторые из них имели свою промышленность и эксплуатировали
чужой труд, а некоторые выступали в качестве продавцов рабо-
чей силы.

Д. Е. Залупенков нанимал за себя Матвея Шатанова, а сам «на-
ходился в отлучке на озере для рыбного промыслу в пользу свою»³.

Руководитель Кыштымского восстания Клим Фомич Косолапов
выполнял заводские повинности по вольному найму, а сам даже в
1822 году «находился при собственном занятии»⁴.

Многие из них сдавали свои заводские работы подрядчикам,
имевшим своих лошадей и наемных работников.

Подрядчик Крылатков подписал контракт на 1823 год — о добыче
и поставке 100000 пудов руды для Кыштымских заводов, за что по-
лучил 12750 рублей. Всю работу он выполнял «вольными людьми»⁵.

Подрядчики перевозили уголь из куреней в заводы за крестьян
села Рождественского «из дорогой платы» и сами получали вместо
них деньги в заводских конторах»⁶. Нарождающаяся буржуазия до-
полняла угнетение крепостного населения новыми капиталистически-
ми формами эксплуатации и кабальными формами найма. Она часто
расчитывала своих рабочих не деньгами, а конским мясом, говяди-
ной, литовками, выбойкой и прочими мелкими товарами из своих
магазинов⁷.

Такого рода расчеты, по признанию следователей по делу Кыш-
тымского восстания, вели «к совершенному разорению крестьян»⁸.

1) ГАСО, ф. 24, оп. 25, д. 888, л. 46.

2) ГАСО, ф. 12, оп. 1, д. 697, л. 745—746.

3) ГАСО, ф. 24, оп. 25, д. 888, л. 260—261.

4) ГАСО, ф. 12, оп. 1, д. 697, л. 87—88.

5) ГАСО, ф. 172, оп. 1, д. 81, л. 381—383.

6) ГАСО, ф. 24, оп. 25, д. 888, л. 348.

7) Там же л. 728.

8) Там же.

О том, что наем был широко распространен и этим пользовались подрядчики, которые грабили тех, кто сдавал за себя работу и тех, кто брался у них выполнять подряженные работы, свидетельствует Я. Расторгуев: «Почему отправляли они (т. е. подрядчики В. К.) и за крестьян села Рождественского, возку угля с добровольного найму самими теми углеставщиками делаемого угля обоюдной пользы, в чем ни от кого жалобы до меня не доходило. Да и о чем же бы они дойти могли, ибо тут принуждение существовать не могло, наймы сии были во всех прочих посторонних заводах и будут...»¹.

Эту форму вольного найма никто не учитывал, ее не берут во внимание и исследователи процесса разложения и кризиса крепостного строя. Между тем это было одно из самых главных явлений, разлагавших крепостную систему хозяйства и осложнявших классовые отношения.

Хотя капитализм не приносил облегчения трудящимся, они охотнее шли в наем к буржуазии, чем на горные заводы в порядке принуждения. Рабочие люди сами признавались, что стали «неправильными» на заводах из-за того, что целыми семействами находились в «сенокосной и жнитвенной работе» по вольному найму.

Из фактов видно, что ухудшение положения трудящихся масс было связано с капиталистической дифференциацией горнозаводского населения и ростом капиталистической эксплуатации наряду с эксплуатацией крепостнической. Последняя становилась тем более ненавистной, что крепостники принимали меры к тому, чтобы сломить сопротивление подневольных рабочих людей и силой заставить работать на заводах.

*
* *

Крепостными порядками были недовольны не только основные массы угнетенных людей, представлявших основную движущую силу в антикрепостнической борьбе, но также и мелкая буржуазия и демократические элементы чиновничества.

Чем же было вызвано недовольство буржуазии и ее активное участие в антикрепостническом движении?

Во-первых, это объясняется законодательным стеснением свободы промышленности на Урале. Проект горного положения 1806 года запрещал «открытие в заводских округах» всех тех мануфактур и фабрик, которых все производство главнейшее основывается на огненном действии, требующем угля и дров»².

Во-первых, заводчики Урала, допускали мелкую крестьянскую промышленность постольку, поскольку она стояла — «в полной гармонии с той, организацией труда», которая обеспечивала заводы прикрепленным к месту заводским рабочим населением³. Как толь-

¹) ГАСО, ф. 24, оп. 25; д. 888; л. 348;

²) Ленин В. И., соч. т. 2, стр. 419,

³) Там же.

ко эта гармония начала нарушаться, в связи с развитием капиталистических отношений среди горнозаводского населения, так стало меняться и отношение самих заводчиков к мелкой промышленности и торговле. Заводчики не давали кустарям свободы в дальнейшем развитии своего производства, в увеличении выпуска продукции на продажу.

Кричный мастер Сериков в компании с братом построил кузницу в Кыштымском заводе. По приказанию заводской конторы кузница была уничтожена. Сериков после этого взялся за торговлю железом. Он вез каслинские и кыштымские металлы в Шадринский уезд и продовал их по выгодным ценам, затем заезжал в Уфалейские или Нязе-Петровские заводы, где покупал железо по более низким ценам и доставлял его на пристань в караван хозяина. По заявлению Кыштымской конторы этим занимались и «прочие»¹.

В 1823 году заводовладельцы уже в период обостренной борьбы приказали уничтожить все кузницы, не отпускать для них ни угля, ни металлов, обосновывая это тем, что от них могут быть пожары. Когда владельцы кузниц попытались отстоять свои заведения, доказывая, что они нужны и что работа в них будет производиться не в период заводских работ, а в воскресные и праздничные дни, заводчики издевательски ответили, что пусть кузнецы по праздникам «богу молятся». С тем, чтобы окончательно подорвать частное кузнечное дело они приказали «поставить на заводской кузнице столько станков, чтобы подковке лошадей не было остановки не только своим, но и посторонним селениям»².

Конкуренция заводчиков с кустарями была неравной, она подрывала и разоряла производство кустарей, отнимала у них всякие доходы.

Владельцы кузниц, стесненные в своей деятельности заводчиками и заводской конторой были недовольны своим положением. Этим настроением недовольства крепостническими условиями были захвачены не только бедные, но и зажиточные крестьяне.

Брат руководителя Кыштымского восстания — Дементий Косолапов в 1822 году внес 500 рублей выкупных денег, а заводская контора заставила его выполнять заводские повинности. Кроме работ с него взыскивали в пользу заводчика «отсыпным хлебом с каждой посеянной десятины по 10 пуд. и сена ежегодно по 10 пудов»³. Второй его брат — Егор Косолапов — выполнял сполна кабанные работы и вносил такое же количество зерна и сена. Состоятельный крестьянин — Никифор Куренков — выражал свое недовольство тем, что, несмотря на внесение им рекрутских денег за 8 лет, его заставляли

1) ГАЧО, ф. 172, оп. 1, д. 71, л. 110.

2) ГАСО, ф. 24, оп. 25, д. 888, л. 318.

3) ГАСО, ф. 24, оп. 25, д. 888, л. 318.

вывозить на пристани по 300 пудов железа, выжигать и поставлять в завод по 90 коробов угля в год, возить руду и деготь в Нязе-Петровский завод и давать отсыпного по 10 пудов с каждой десятины¹.

Мелкая буржуазия не могла быть довольной своим подневольным положением. Она пыталась откупиться от заводских работ деньгами, а ее принуждали нести феодальные повинности.

Неслучайно, нарождающаяся торговая и промышленная мелкая буржуазия выдвинула из своей среды руководителей антикрепостнического движения. Климентий Фомич Косолапов был ее представителем и выразителем общенародных интересов в борьбе против гнета и стеснений свободы промышленности и торговли.

К. Ф. Косолапов был занят торговой деятельностью. Он брал у заводчика Л. И. Расторгуева железо и продавал его на Троицкой ярмарке. В Кыштыме им была открыта своя лавка, в которой он продавал бухарские и другие товары. Успешная торговля К. Ф. Косолапова не нравилась другим торговцам, последние и разорили его. В 1820 году из лавки К. Ф. Косолапова было украдено разного товара на 1512 рублей. Воры были найдены, но взяты под защиту одним из заводских управителей Федором Алферовым. К. Ф. Косолапов написал прошение на имя императора, в котором предъявлялись личные купеческие, буржуазные требования, а не рабочие. У какого рабочего-кузнеца могла быть лавка и товару на 1512 рублей?

К. Ф. Косолапов жалуется на то, что приказчик Федор Алферов принимает у себя воров «держит их сторону и покровительствует и прчим»². Ясное указание на то, что воры не были беззащитны. Кроме того они не все были бедными. Это обстоятельство указывает на преднамеренное разорение К. Ф. Косолапова. В жалобе сказано, что Федор Алферов «меня безвинно теснит и обижает всячески содержанием в цене». — Речь идет об определенной регламентации в торговле, а не в заводских работах.

К. Ф. Косолапов пишет, что Федор Алферов оскорблял его «...разным публичным наглодушием, делая повод всякому человеку меня позорить, вместо должной защиты и поносить несносными хулительными речами в совершенное мое предобиджение и разорение, **каковые обиды перенести и последнего состояния человеку едва ли будет можно**»³. (Подчеркнуто мною В. К.).

К. Ф. Косолапов протестует ни как крепостной рабочий, а как торговец, которого разоряют, оскорбляют, унижают и, который не находит себе защиты. Он заявляет, что такие обиды переносить не только ему тяжело, но... «и последнего состояния человеку едва ли будет

1) ГАСО, д. 24, оп. 25, д. 888, л. 318.

2) ГАСО, ф. 24, оп. 25, д. 888, л. 56 сб.

3) Там же, л. 56—57.

можно». Совершенно ясно, что К. Ф. Косолапов не относит себя к людям «последнего состояния», т. е. к бедным.

К. Ф. Косолапов просит царя о том, чтобы «указом повелено было сие мое прошение принять», «приказать им, как найденный у них мой товар, так и дома ли, что в них есть отобрать и мне доставить»¹. В сущности, это и было требование законной защиты частной собственности со стороны государства. Он требовал вернуть его капитал в виде товара, денег или всего имущества, какое окажется у похитителей.

К. Ф. Косолапов пытается избавиться от крепостной зависимости на частном заводе, путем перехода на службу в казенное ведомство. Он просил царя «всемилошвейше удостоить меня в вашей службе».

О развитии конфликта между К. Ф. Косолаповым и Расторгуевыми свидетельствует также донесение Главной конторы Кыштымских заводов в следственную комиссию по делу восстания 1822—1823 гг. и показания Якова Расторгуева в этой комиссии. Контора доносила: «Злоба Косолапова на родственника покойного владельца, вольского купца Якова Расторгуева возникла от того, что означенный Косолапов с тем Расторгуевым начально были в дружбе и торговой связи, а потом, поссорились в расчетах, подавших неудовольствие, в котором Косолапов, считая себя обиженным, возымел непримиримую вражду, сделавшись в неоплатных долгах; не срабатывая ни наймом, ни сам должного участка, стал совращать и других к таковым недоработкам»².

Из этого документа следует, что К. Ф. Косолапов окреп экономически настолько, что мог быть «в дружбе и торговой связи» с Яковом Расторгуевым. Вполне понятно, что в планы заводчика не входило дальнейшее содействие в обогащении крепостного человека. Его главной задачей было увеличение феодальной ренты, что никак не согласовалось с коммерческими расчетами К. Ф. Косолапова, вело его к разорению, вследствие чего они «поссорились в расчетах». К. Ф. Косолапов был материально обижен, влез в долги и «возымел непримиримую вражду» к заводчикам Расторгуевым. Последние стали принуждать К. Ф. Косолапова выполнять заводские работы. И, как видно, ему не на что стало нанимать рабочих, он в 1821 году лично принимал участие в выполнении урока. В семейной ведомости Кыштымского завода от 24 июня 1822 года сказано: «Климентий Косолапов (сын Фомин)... в течение прошлого 1821 года заработал: «за поставку кабанного угля за 62 короба» 43 руб. 40 коп..., за возку оного 22 короба... 13 руб. 12 коп., за возку кирпича за 263 (штуки) 1 руб. 94³/₄ коп.»³.

1) ГАСО, ф. 24, оп. 25, д. 888, л. 57.

2) ГАСО, ф. 24, оп. 25, д. 888, л. 134.

3) ГАСО, ф. 12, оп. 1, д. 697, л. 87—88.

В этой ведомости имеется примечание: «Последнее время находится при собственном занятии»¹.

Эта ведомость отвергает версию о К. Ф. Косолапове, как о кузнеце, ибо он занимался кабаньими работами, также как и его братья.

По ведомости видно, что К. Ф. Косолапов лично выполнял заводские работы лишь в 1821 году, а в 1822 году, как сказано в примечании «находился при собственном занятии». Следовательно отпадает и вторая версия о возвращении К. Ф. Косолапова в цех и превращении его в мастерового. Тем более, что в 1821 году К. Ф. Косолапов написал свое прошение на имя царя, предъявляя требования защиты частной собственности и, добиваясь возмещения за украденный товар из его лавки. Надо полагать, что протест К. Ф. Косолапова против разорения, ограбления и попытки конторы превратить его вновь в заводского рабочего, был настолько силен, что его противники не могли добиться своей цели. Заводская контора вынуждена была констатировать, что К. Ф. Косолапов не стал выполнять своих повинностей «не срабатывая ни наймом, ни самого должного участка». Подобное же заявление имеется в показании Я. Расторгуева: «не стал отправлять своей урочной работы, наймовать стало нечем, а сам работать отвык, склонял и других, видя же себя в невозвратной погибели, наконец вошел и в самое руководство»² восстанием.

Отчасти Я. Расторгуев правильно отражает положение дела. Под «невозвратной гибелью» нужно понимать осознание безвыходного положения, невозможность не только вернуть свое состояние, но и свободно заниматься промышленной и торговой деятельностью.

В Кыштымском заводе из 32 владельцев кузниц, 19 были активными участками восстания, а 17 из них были «в поддписке с Косолаповым»³. В Каслинском заводе из 24 владельцев кузниц 7 стояли на стороне заводской конторы, а 17 были на стороне К. Ф. Косолапова и принимали участие в восстании⁴.

В числе восставших владельцев кузниц был один из руководителей восстания Андрей Дайбов. О нем заводская контора доносила: «поведения расстроенного и первый возмутитель неповиновения»⁵. Следует отметить, что, если К. Ф. Косолапов и его брат Архип включились в восстание спустя 8 месяцев после его начала, то Андрей Дайбов был одним из зачинателей этого восстания.

Г. И. Князев, двое Лобатовых, два сына Е. Е. Козлова и многие другие «во время смятения были согласны с бунтовщиками»⁶.

1) ГАСО, ф. 12, оп. 1, д. 697, л. 87—88.

2) ГАСО, ф. 24, оп. 25, д. 888, л. 345—346.

3) ГАСО, ф. 172, оп. 1, д. 81, лл. 112—115.

4) Там же, л. л. 100—107.

5) Там же, л. л. 110—117.

6) ГАЧО, ф. 172, оп. 1, д. 81, л. 103.

Оказывается, в числе восставших не все были сторонниками К. Ф. Косолапова. Например, кабанщик Ларион Жирнов, который ранее торговал скотом и заводские работы выполнял вольным наймом, был разорен, «пришел в совершенную несостоятельность». Он заявил, что «... в общественных сходках объявлял свое согласие не с Климентом Косолаповым, а всему миру на принесение жалоб высшему правительству о бедственном своем положении»¹.

Таким образом, факты показывают, что антикрепостническое движение на Каштымских заводах в начале 20 гг. XIX века было многослойным. Главную движущую силу в нем представляли мастеровые и заводские крестьяне. В нем также приняли участие зажиточные крестьяне, кустари, торговцы.

Более того, во главе антикрепостнического движения в 20 гг. XIX века, стояли не только мастеровые, но и демократические элементы, вышедшие из народных недр в связи с развитием капитализма. Испытывая притеснения со стороны администрации, они сочувственно относились к рабочим людям. Именно эти люди и внесли некоторую организованность в антикрепостническое движение. Они, как правило, понимали больше, чем кто-либо необходимость дисциплины и организованности.

Например, в Кыштымском заводе в самом начале восстания 1822—1823 гг. чиновник Григорий Карташев «советовал сельским крестьянам, вместе с ними и Кыштымским не подавать прошений, а лучше остановить все работы, вследствие остановки скорее может раскрыться и выясниться дело, т. е. кто будет из сторон прав, кто виноват»². Г. Карташев, в сущности, предлагал стачку.

Об элементах организованности в Кыштымском восстании уже сказано в литературе.

Участие нарождающейся буржуазии в антикрепостническом движении на Урале не умаляет значения самого движения.

Это был начальный период борьбы против стеснения свободы промышленности, против монополий и регламентаций, которые препятствовали развитию капитализма.

В. И. Ленин говорит, что требование свободы промышленности— «везде... служило лозунгом передовой буржуазии»³.

Развитие капиталистических отношений не только разлагало феодальную систему хозяйства, но и создавало предпосылки для нового антифеодального, антикрепостнического движения. Капитализм, отвлекая часть закрепощенного населения из горной промышленности, подвергал его новым формам эксплуатации, не освободив его от феодальных повинностей. Развитие капитализма внегорнозаводской промышленности породило «неличное» выполнение завод-

1) ГАСО, ф. 24, оп. 25, д. 888, л. 317—318.

2) ГАЧО, ф. 193, оп. 1, д. 5, л. 13.

3) В. И. Ленин, соч. т. 2, стр. 421.

ских повинностей. Мастерские люди подвергаются двойной эксплуатации: в порядке отбывания своих повинностей и в порядке вольного найма. Часть рабочих, предпочитая работу по вольному найму у кустарей, зажиточных крестьян и торговцев, также выполняла заводские повинности путем вольного найма.

Все это не только ухудшало положение трудящихся масс и революционизировало их, но и постепенно разлагало, размывало былые устои феодальных порядков в горнозаводской промышленности. Происходило массовое уклонение от заводских работ.

Заводчики-крепостники вели решительную борьбу за сохранение крепостничества. Они повели наступление как против рабочих, так и против нарождающейся буржуазии. Расправа часто бывает одинаковой, что с мастерским или с крестьянином, что с кустарем, торговцем или чиновником. Это было столкновение двух систем, господствующей феодально-крепостнической и неокрепшей, еще оформляющейся в недрах старого строя, капиталистической. Все это породило многослойное антикрепостническое движение. Однако, антифеодальные силы были расколоты: верхушечная часть буржуазии, пригретая крепостниками, стала на их сторону и являлась их защитником.

В этих условиях рабочие люди выступали за ликвидацию крепостничества и произвола крепостников, в этом же были заинтересованы кустари, торговцы, крестьяне. Рабочие люди требовали свободы распоряжения своей рабочей силой, нарождающаяся буржуазия требовала свободы промышленности; рабочие требовали законов о труде, нарождающаяся буржуазия требовала законной защиты ее прав и имущества.